

дору он всячески стремится подчеркнуть, что, будучи литовским митрополитом, он старался действовать в интересах великого князя Московского прежде всего.²² За время междоусобицы на русской митрополии Киприан не мог не убедиться в том, что без союза с великим князем Московским все его попытки возглавить русскую митрополию окажутся тщетными. Нельзя считать позицию Киприана в отношении к великокняжеской власти неизменной с самого начала и до конца; не подлежит сомнению, что со временем и взгляды его, и сама его позиция в этом вопросе претерпели существенные изменения. В своем основном литературном труде — «Житии митрополита Петра» Киприан подчеркивает могущество и величие Москвы, силу и значение великого князя Московского. Рисуя образ идеальных отношений между великим князем и святителем, он говорит об их полном духовном союзе, в котором главенствует святитель, но в свою очередь и святитель блюдет интересы своего князя: «И бяше убо веселие непрестанно посреди обоих духовное: князю убо во всем послушающу и честь велику подающе отцю своему Петру по господнему повелению, еже рече господь ко своим учеником: „Приемляй вас мене приемлет, а слушаа вас, мене слушаает“, святитель же паки толико прилежащу к сынови своему князю Ивану».²³ Отметим, что в «Очерках истории СССР» про житие митрополита Петра, написанное Киприаном, говорится следующее: «В памятниках житийного характера московские писатели выступали с определенными политическими тенденциями, отражавшими стремление церковников к союзу с великокняжеской властью. „Жития“ митрополита Петра и Алексея рисуют митрополитов в качестве сторонников политического усиления Москвы как великокняжеского центра».²⁴ В связи с вопросом о взаимоотношении митрополита и великого князя при Киприане следует вспомнить грамоту 1393 г. константинопольского патриарха Антония великому князю Московскому Василию Дмитриевичу.²⁵ В этой грамоте патриарх укорял великого князя за то, что он высказывает пренебрежение к патриарху и не воздает ему «той чести, какую воздавали (прежним патриархам) твои предки, великие князья».²⁶ В этой же грамоте патриарх возмущается тем, что великий князь Московский отменил церковное помяновение имен византийских императоров: «С огорчением слышу еще, что твоим благородием сказаны некоторые слова и о высочайшем и святом самодержце — царе. Говорят, ты не позволяешь митрополиту помянать божественное имя царя в диптихах, т. е. хочешь дела совершенно невозможного, и говоришь: „мы де имеем церковь, а царя не имеем и знать не хотим“. Это нехорошо».²⁷ Ив. Жданов замечает по этому поводу: «Патриарх упрекал одного только князя, но нельзя, конечно, допустить, чтобы такая мера, как отмена помяновения царского имени, могла состояться без согласия митрополита».²⁸ Возможно, что митрополит не одобрял этого действия великого князя и, по всей видимости, именно он и известил об этом патриарха, но и в данном случае становится совершенно ясным, что уже в 1393 г. Киприан не посмел сам воспротивиться действиям великого князя, затрагивающим в какой-то степени его церковные дела, а вынужден был прибегать к помощи патриарха.

²² РИБ, т. VI, ч. 1. СПб., 1880, стр. 181—182.

²³ ВМЧ, декабрь, дни 18—23. М., 1907, стлб. 1636.

²⁴ Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. II, стр. 356.

²⁵ РИБ, т. VI, ч. 1. Приложения, стлб. 265—276.

²⁶ Там же, стлб. 270.

²⁷ Там же, стлб. 272.

²⁸ Ив. Жданов. Русский былевой эпос, стр. 105—106.